

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ИВАН КРАМСКОЙ

ПИСЬМА К ХУДОЖНИКАМ

Васильеву, Репину, Поленову

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6
К77

Крамской И.

К77 Письма к художникам : Васильеву, Репину, Поленову / Иван Крамской. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 307 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

В настоящее издание вошли письма И. Н. Крамского, мастера жанровой, исторической и портретной живописи, одного из организаторов и идеологов общества передвижников, к своим младшим современникам — художникам Ф. А. Васильеву (1850–1873), И. Е. Репину (1844–1930) и В. Д. Поленову (1844–1927). Письма позволяют оценить масштаб личности художника, постичь натуру человека, обладающего широкими, разносторонними интересами не только в творчестве, но и в общественной деятельности.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-08732-4

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Ф. А. ВАСИЛЬЕВУ

11 июня 1871 г.

Добрый мой Федор Александрович!

Вот уже и 11 июня, а я все в Петербурге. Расскажу по порядку — и Вам станет ясно. Вы уехали 23 или 22 мая. Софья Николаевна, как Вам известно, приподымалась, и после Вас стало все лучше и лучше, но потом, уж бог знает отчего, воротилось все старое, да так сильно, что я стал опять ко всему готовиться. Словом, история была проделана сначала. Теперь опять, слава богу, поправилась, и я могу вздохнуть свободно. Но так как четыре недели были вычеркнуты и я не работал, как Вам известно, то работаю волом и завтра, самое позднее послезавтра, я кончу проклятых великих людей. Одурел: по три портрета в день. Потом перевезу семью на дачу, потом укладываюсь — и к Вам. Впрочем, в Москве придется пробыть дня два. Вот каковы дела. Пожалейте меня сугубо. Того мало, что Вы написали, ибо я без Вас скучаю. Знаете ли Вы, что у нас летом, т. е. на нашем полушарии, будет потоп? Это я предсказываю: к берегам Африки приплыла льдина из Южного полюса величиною в два раза больше Франции. Известие это помещено в одном ученом издании. Вон что! Впрочем, это до нас не касается, т. е. я буду у Вас. Софья

Николаевна Вам шлет свой привет. До отсроченного свидания, Ваш поклонник.

И. Крамской

1 августа 1871 г.

Хотень (Харьковская губерния)

Дорогой мой Федор Александрович!

Вот Вам моя Одиссея (виноват, впрочем, я дурак, что не писал о всех приключениях, но кто ж знает будущее? Мы ведь хотели ехать в Крым в конце августа). К 29 июня только поправилась Софья Николаевна настолько, что можно было рискнуть перевезти на дачу. Портреты, которые я работал, чтобы получить деньги, все кончены были; оставалось немного: получить деньги. Пишу Дашкову раз, два, три, портреты уложены, ждут, телеграфирую — ничего. Узнаю уже от Исеева, что Дашков уехал за границу именно тогда, когда у меня все готово; короче, надул: тихонько через Петербург проехал! Раз! Что мне делать? Как быть? Три месяца ничего другого не делал, да, как Вы знаете, в семье было не совсем благополучно! Но ведь нужно же было как-нибудь. Я перед Исеевым расходился, что ведь это черт знает что такое. Он мне предлагает на первый раз, чтобы уехать, 400 рублей. Я, конечно, взял, но что такое 400 рублей. Это только временное обеспечение семьи, а мне нужно именно столько, сколько нужно. 11 июля я выехал наконец в Москву, думаю, ведь он, может быть, распорядился там, да еще и в храме Спаса, может, что-нибудь состоялось. Дашков, разумеется, никаких распоряжений не сделал, а в храме Спаса эскиз мой лежит неутверж-

денным и другие тоже, потому что преосвященный Леонид сделал замечания и не утвердил. А денег нет, заметьте. Я начинаю вести две линии: достать презренный металл и поймать Леонида, который то на даче, верст за пятнадцать, то в Москве; наконец, поймал его в городе, когда ему действительно было некогда, а завтра ему нужно ехать в епархию. Я говорю: остаюсь неделю и жду. Он обещается выбрать время для объяснения со мной и дать мне знать непременно. А государь должен утверждать эскизы в августе, следствие, в противном случае отлагается дело на год. Проходит неделя: нет Леонида; восемь-девять дней нет, наконец, жду — завтра будет. Завтра — известие, что он остался в монастыре еще на несколько дней, около шестидесяти верст от Москвы. Я, не медля ни минуты, туда. Нагрнулся, объяснился, потом поправил эскиз, еще раз виделся с ним, добыл несколько денег (5 августа возвращается Дашков из-за границы, и мне деньги высылают сюда, в Хотень) и 30-го из Москвы телеграфировал сюда. Еду. Наконец милые Новоселки. Смотрю и думаю: а ведь, пожалуй, и Федор Александрович здесь встретит и задаст головомойку, ну, да что было, то прошло, слава богу, приехал. Остановка, выхожу. Нет его. Вечереет, багаж мой вынули. Какие-то лошади стоят, тройка — нет Васильева. Почуял я что-то недоброе. Поезд тронулся дальше. Ну что ж! Сам виноват, слишком долго, вероятно, тебя ждали. Спрашиваю на станции: нет ли лошадей из Хотени? Есть, говорят. Обрадовался, слава богу. Конечно, жаль, что он не встретил, но что за нежности, пожалуй, пропал где-нибудь на охоте и не знает, что я приехал. А может быть, бедный, нездо-

ров. Все бывает. Подходит парнюга и говорит: «Мы Вас второй день ждем здесь с лошадьми». Конечно, и это внимание. «Вот, говорит, Вам записка». «Записка?» «Да». Читаю: «Федор Александрович Васильев выехал в Ялту, имение императрицы, 18 июля», и красным карандашом приписка: «Ивану Николаевичу Крамскому». Рука старческая. Вот те раз. Записка как бы приглашает не останавливаться здесь, да я бы так и сделал, если бы поезд стоял с полчаса. Ну, надо ехать. Повезли меня... Ночью приехал. Когда садом подъезжали к дому, все проверял Ваши рассказы: действительно, ночью делает впечатление сказочное. Чай готов. Опять внимание. Ночью ждал привидений — не пришли. Утром милый Дементий говорит, что Федор Александрович пили молоко, а потом чай. «Ну, коли он так делал, то и я сделаю». 10 часов утра. Солнце, сад передо мною — и ни души, только шумят деревья. Черт знает, что такое! Такое чувство охватило меня: и хорошо-то здесь очень и тяжело мне очень. Вот она, природа! Остаться здесь и кончать «Ночь» не в силах буду, настроившись известным образом работать не одному. Ехать сейчас, сию минуту в Ялту — значит не кончать картины, но ответа Вашего я все-таки подожду здесь. А между прочим, сейчас начинаю писать одну штуку, которая мне вчера пришла в голову за чаем под впечатлением приезда. Мне кажется, сюжет ого-го! Если его сделать понятным, может страшно сделаться. Итак, жду, пока Вы не напишете. Черт знает, поразительное впечатление: окно растворенное, которое Вы, вероятно, знаете, зеркало на столе, и Ваша эта комната с мольбертом и подрамками, которую Вы оста-

вили меньше двух недель. Правда, Вы думали, что я и совсем не приеду, хотя если бы это мне сделалось известным, то немедленно и Вам, а так как планы не расстраивались, а только отлагались, то я и ждал не сегодня-завтра, не сегодня-завтра, и вот дождался... а деревья, подлецы, дружно, дружно шумят! Воображаю, что Вы вынесли, ожидая меня, так как и Ваши планы не осуществились, особенно под конец, когда Вы потеряли терпение. Я даже не извиняюсь, потому что извинение ни поправить, ни воротить ничего не может, а о чувстве моем Вы, вероятно, и сами не сомневаетесь. Я не могу сделать этого заведомо, зная что-нибудь вперед. Итак, ожидаю ответа.

И. Крамской

21 октября 1871 г. Петербург

Дорогой мой Федор Александрович!

Вот наконец и устроилось все. Не знаю, как Вы находите, а по-моему, хорошо; вот разве не окончательно устроено с домом, как мне говорил Нецветаев, отложено на время, а у него так ноги и чешутся приняться за это дело; говорю: ноги, потому что он это в самом деле сделает ногами. Он рад сделать хоть что-нибудь для Вас, как он говорит. Извините, что не мог исполнить до сих пор Ваше поручение относительно красок и книг, но и то и другое я высылаю, и надо полагать, что Вы все это получите еще вовремя, т. е. успеете еще и начитаться и поработаться, но не думайте, однако ж, что я потому и не выслал с Вашей мамашей, что полагал: успеется. Нет, не потому, а потому что на книги нужно было;

ну да все равно, что нужно было; дело в том, что виноват и только.

Здесь все обстоит благополучно, т. е. так же, как и всегда: погода мерзость, винограда нет, и волн не наблюдаю, и все стараюсь в настоящее время поймать луну. Говорят, впрочем, что частица лунной ночи попала-таки в мою картину, но не вся. Трудная штука — луна. А «Охотник» произвел впечатление некое — нравится, а Софье Николаевне особенно: и как лицо и как охотник. Ге написал прекрасную вещь, «Петра», которого Вы видели начало, да и я был уверен в этом, он тут на месте, как никто, пожалуй. Григорович завертелся кубарем, когда узнал, что Вы обращались к Третьякову, да что ж делать, дело сделано, не воротишь и, может быть, возвращать не стоит. Оно хорошо так. Ему пуще всего Третьяков, везде он суется, но когда я ему сказал, как это было, то он, по-видимому, стал спокойнее. Впрочем, он Вам сам хотел писать, да, вероятно, уже и написал, не так, как я. А чем же, впрочем, я поступил худо, что долго не писал? Но может случиться, что я и еще дольше писать не буду — это со мной случается, да и с Вами случается. Каково теперь в Крыму? Все еще тепло? Это любопытно. Здесь такая мерзость, что и не расскажешь, да Вы и сами знаете. А вы небось продолжали похаживать к Клеопину добрейшему за виноградом и прочими сладостями, а теперь, небось приучаете и Романа. Знаете, по правде сказать, я тут-таки частенько вспоминаю, точно сон, пребывание мое в Крыму: Клеопина, виноград. Но волны вот, как живые, стоят передо мной, валы так и заворачиваются, так и шумят, шельмецы, а Федор Александрович все их чертит,